

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «УТРЕННИЙ СВЕТ», 1777–1780 ГГ.)

**LINGUISTIC PERSONALITY
IN PUBLICISTIC MEDIA DISCOURSE
IN THE 18 CENTURY (BASED
ON THE MATERIALS OF THE MAGAZINE
“MORNING LIGHT”, 1777–1780)**

E. Kornienko

Summary. The article describes the linguistic research of the author's linguistic personality, represented in the images of the main communicant in media discourse at the 2nd half of the 18th century. The magazine "Morning light", published by the Russian educator Nikolay Novikov in 1777–1780 is the study. The author considers the "historical" media discourse in order to identify conceptual dominants and discursive means. The article analyses the author and the addressee as participants in discursive interaction, and linguistic cognitive communication.

Keywords: Linguistic personality, linguistic cognitive interaction, discourse, concept, linguistic means of representation.

Корниенко Елена Ревовна

*К.п.н., доцент, Северный государственный
медицинский университет, г. Архангельск
er-kor@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается лингвистическое исследование языковой личности автора текста, репрезентируемой в образах основных коммуникантов публицистического дискурса 2-й половины XVIII века, на материале журнала «Утренний свет», издаваемого русским просветителем Н. И. Новиковым в 1777–1780 годах. Автором рассматривается «исторический» публицистический дискурс с целью выявления концептуальных доминант и дискурсивных средств. Автор и адресат анализируются как участники дискурсивного взаимодействия и лингвокогнитивной коммуникации.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокогнитивное взаимодействие, дискурс, концепт, языковые средства репрезентации.

Жизнь и творчество русского просветителя, издателя журналов, Н.И. Новикова (1744–1818 гг.) имеет особое значение в истории русской общественно-политической и философской мысли эпохи Просвещения, так как декларируемый им в издаваемых журналах идейный комплекс глубоко отразили все социальные и духовные коллизии указанного времени. Учитывая, что национально-культурные особенности любой эпохи фиксируются в текстах, в рамках настоящего исследования мы обратимся к публицистическому дискурсу, отражающему реальное бытие человека второй половины XVIII века, с целью рассмотрения языковой личности в публицистике 2-й половины XVIII века. Диахронический аспект работы развивает теорию языковой личности, позволяя универсализировать исследовательские инструменты и верифицировать методику анализа языковой личности на материале корпусов письменных текстов, тем самым обуславливает актуальность представленного исследования. Актуальность исследования дискурса Н.И. Новикова также определяется содержанием идейного комплекса, представленного в его наследии, лингвистический анализ которого позволит проследить динамику формирования ключевого понятия «Добродетель» в аксиологической картины мира носите-

лей русского языка и российской культуры от XVIII века до настоящего времени.

Дискурс журнала «Утренний свет» (1777–1780 гг.), отражая сознание человека эпохи Просвещения, является «площадкой» бытования и взаимодействия основных коммуникантов, автора и адресата, в текстовой среде. Одна из важнейших, если не самая важная функция публицистики указанного исторического периода, — воспитательная. Экстралингвистические задачи обуславливают лингвокогнитивные аспекты коммуникации автора и адресата в текстах: тематика, формулировки проблем, презентация социальных фактов, экспликация или импликация интенций автора получают определенные риторические и дискурсивные формы. Предлагаемое исследование имеет ретроспективный фокус: для нас является важным смоделировать восприятие и интерпретацию публицистического дискурса XVIII века современным читателем.

Исследование впервые проведено на основе исторического материала, журнальных текстов 2-й половины XVIII века с использованием метода комплексного анализа лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата как языковых личностей в рамках публици-

стического дискурса. Языковым материалом служат малоизученные с позиций лингвистической теории дискурса тексты статей «исторического» журнала. Анализ позволяет охарактеризовать текстовые концепты, отражающие аксиологическую картину мира русских людей указанной эпохи, что доказывает новизну работы.

Работа проводилась на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, что определило комплекс методов исследования: сплошная выборка, лингвистическое описание, комплексный анализ, аксиологический анализ, когнитивная интерпретация, моделирование концептуальных полей. Настоящее исследование находится в русле работ по теории языковой личности (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин и др.), когнитивно-дискурсивного анализа (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, и др.), лингвистической аксиологии (В. И. Карасик, В. А. Марьянчик и др.), теории концепта (Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Т. А. Сидорова и др.). Вслед за исследователем Сидоровой Т. А. нам также «представляется наиболее продуктивным комплексный, междисциплинарный подход, детерминированный использованием методов, разработанных в рамках различных научных парадигм: когнитивной, дискурсивно-коммуникативной, лингвориторической и др.». [11, с. 169].

Материалом исследования послужили статьи журнала «Утренний свет» (1777–1780): «Предуведомление», «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру», «Письмо к издателям «Утреннего света», «К издателям «Утреннего света», «О добродетели», «Заключение журнала под названием «Утреннего света». Необходимо отметить эклектический характер журнала и особенность его коммуникативного пространства, которое является полифоничным и представляет собой взаимодействие интерперсональных, тематических дискурсивных образований, определяющие ролевые позиции коммуникантов. Несмотря на жанровую и речевую эклектичность, дискурс журнала отличается своей спецификой: имеет свой формат, стиль, коммуникативную цель. Так, к основным дискурсивным особенностям относятся следующие: смысловая определенность, продиктованная семантическими и прагматическими целями; статусно-ролевая коммуникация, театральность (роли автора и адресата), суггестивность (воздействие на эмоции и подсознание); коммуникативная релевантность концепта (способность быть существенным, важным) в концептосфере; динамичность текстов, проявляющаяся в развертывании смысловой и содержательной сторон.

Для нашего исследования существенными являются теоретические положения о феномене языковой личности, описание которого находим у Ю. Н. Караулова: «совокупность способностей и характеристик челове-

ка, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [6, с. 51, 3]; у В. В. Воробьева: «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [2, с. 26]. В связи с лингвокультурологическим подходом к анализу исследуемого феномена для нас определяющей является позиция В. И. Карасика: «языковая личность — это закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов» [5, с. 19].

Широкое распространение концепции дискурса в лингвистической науке диктует обращение к общей концепции дискурса, в которой данная дефиниция представлена как сложное коммуникативное явление, включающее в том числе и экстралингвистические факторы, привлеченные в процесс коммуникации (отправитель сообщения, адресат, виды контекста, культурно-идеологический фон и т.д.). Принимая во внимание различные взгляды на понятие дискурс, например, Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, А. А. Кибрика, В. И. Карасика и др., для нас представляется важным определение А. А. Кибрика и В. А. Плунгяна, согласно которому дискурс — процесс и результат языковой деятельности, а результат есть текст [7].

Дискурсивное взаимодействие в анализируемых текстах организует автор, создавая персонажей и используя прием «маски». Ролевую структуру текста, термины «персонажная роль», «маска», «образ и роли автора» мы используем в соответствии с концепцией, представленной в работах В. А. Марьянчик. Мы согласны с указанным автором в том, что маска автора публицистического текста имеет три аспекта: речевой, статусно-социальный и аксиологический [9, с. 240]. Вслед за В. А. Марьянчик мы понимаем роль персонажа в публицистическом тексте как «функции данного персонажа в развитии текстовой ситуации, сюжета» [9, с. 188]. Ролевая структура исследуемого текста определяет двойной фокус анализа. С одной стороны, каждая «маска», каждый персонаж может быть рассмотрен с точки зрения типологии языковой личности в фикциональном художественно-публицистическом пространстве. С другой стороны, необходим анализ «единого» автора-демиурга как языковой личности с учетом его разнообразных речевых и сюжетных «ролей» в текстах.

В настоящем исследовании актуализируется второй фокус филологического анализа.

Объект данного исследования — языковые средства-репрезентанты языковой личности в «историческом» публицистическом дискурсе 2-й половины XVIII века. Предмет исследования — лингвокогнитивная коммуникация как дискурсивная реализация языковой личности определенного типа.

Рассматривать языковую личность в публицистических текстах журнала будем с учетом номинирования автора и адресата как участников дискурсивного взаимодействия. Следовательно, анализ ориентируется на двучленную модель внутренней коммуникации языковой личности: «автор — адресат».

Решая задачи, поставленные в исследовании, в пределах анализируемых текстов статей нами рассматриваются две категории: «идеальный» и «фикционально-го» адресат. Под «идеальным адресатом» надо понимать аудиторию читателей, на которую ориентируются автор текста. Анализируя эту категорию, можно выделить эксплицитные средства репрезентации адресата: формы личного местоимения 2-го лица множественного числа («вы чувствуете в сердцах ваших»); формы притяжательного местоимения (нашим читателям), оценочная атрибуция (наши возлюбленные сограждане); формы повелительного наклонения («просите и поощряйте их (читателей) явно к сему полезному для общества труду; уверьте их, сколь много они нас обяжут, если свои писания нам сообщать будут»); вежливо-оценочная форма обращения (благосклонный читатель! любезные сочеловеки сего мира). Имплицитно читатель интегрируется в дискурс журнала с помощью следующих средств: формы личного местоимения 1-го лица множественного числа в обобщающем «включенном» значении («В каком виде мы ни рассматриваем нравоучение, оно всего полезнее, нужнее и необходимее»); притяжательные местоимения в том же значении («Нравоучение, подобно древнему светилу, являющемуся на горизонте, освещает душу нашу»); формы личного местоимения 3-го лица множественного числа, которые создает иллюзию единения с читателем посредством дистанцированности от пейоративных персонажей: «но когда бы они (несправедливые души) увидели, что мерзостное покрывало их беззаконных дел открыто, тогда бы они воздавали должное почтение добродетели» [4].

Категория «фикционального адресата» характеризуется активностью участника дискурсивного взаимодействия в текстовом пространстве журнала, высказывающим свою точку зрения на опубликованный материал посредством письма в редакцию. Фикциональность адресата определяется тем, что от имени реального

коммуниканта пишет публицист, «примеряющий» маску читателя. Например, у Н. И. Новикова это статьи «Письмо к издателю «Утреннего света» [4, с. 188–190] и «К издателю «Утреннего света» [4, с. 190–193]. Язык таких публицистических произведений имеет особенности, например, активное использование местоимения 1-го лица единственного числа и предикатов соответствующей грамматической формы («я оставляю, не ожидал я, обращаюсь я, я слышал, я читал, я знаю, я возмюг, я ж буду стараться, я пребываю и др.»), употребление этикетных и императивных глаголов («позвольте, научитесь, признайтесь, отрекитесь, остановись»). Это связано с тем, что адресат, пишущий письма в редакцию журнала «Утренний свет», не анонимен, у него есть имя Иван Скородумов, то есть он представлен в образе конкретного человека, а не массового читателя. Другой персонаж — участник коммуникации завуалирован «именем» №. №. иностранец. Именно конкретность адресата подчеркивается употреблением таких индексальных элементов, как инклюзивный дейксис 1-го лица единственного числа и оппозиция «я (адресат) — вы, ваши (редакция журнала)»: «Я сам писатель, но никогда не осмелился сообщать в публику подобных вашим вымыслов», «я не думаю, чтобы вы были антиподы тех праотцев, которые искали и находили славу свою»; «уверен я в вашей ко мне благодарности». Речевая доминанта дискурса подчеркивается метатекстом (сообщать, рассуждаю, скажу, сообщить, противоречить). Диалогичность как черта дискурсивности усиливается повелительным наклонением глагола (употребите, печатайте, не спешите) [4].

Языковая личность в рамках настоящей работы принимается как собирательный образ, созданный в тексте, отображающий аксиологическую и языковую картину мира в их национальной специфике. Единицей описания картины мира является концепт. Коммуниканты «исторического» публицистического дискурса, автор и адресат, взаимодействуют в системе концептов, формирующих концептосферу, задающую вариант интерпретации и отражающую и идейно-семантическое содержание текстов журнала.

В ходе анализа текстового материала нами выявлен ряд концептов языковой картине мира Н. И. Новикова. В рамках настоящей статьи рассмотрим ключевые концепты: концепт «Человек», реализующий авторскую концепцию человека, и концепт «Добродетель», транслирующий авторскую национальную идею.

Публицистический дискурс 2-й половины XVIII века характеризуется текстами «идеологической» и воспитательной направленности с опорой на культурную и социально-историческую ситуацию, сложившуюся в русском обществе и определяющую зону бытования

языковой личности. Языковая личность, проявляющая себя в публицистическом дискурсе журнала, реализуется в двух основных вариантах — как автор и как адресат и обладает такими характерными особенностями, как экспрессия, «идеологическая» модальность, оценочность, особый словарь и др.

Анализируя средства репрезентации автора в публицистическом тексте 2-й половины XVIII века, отметим композиционные заголовки: «Предуведомление», «К издателям «Утреннего света», «Заключение журнала под названием «Утреннего света», Таким образом, ключевую роль в структурировании дискурса имеет автор. Содержательные заголовки являются дотекстовыми сигналами авторского отношения к выдвигаемой проблеме: «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру», «О добродетели». По содержательным заголовкам мы намечаем «контуры» аксиологической картины мира.

Употребление определенных языковых средств в публицистическом тексте формирует дискурсивные рамки. Мы выделили следующие дискурсивные приемы:

1. восклицательные и вопросительные конструкции (например, «Благосклонный читатель!», «Нужно ли вам, чтоб я сие утвердил доказательствами?», «Если смеем себя причислить к писателям, то какого об нас мнения?»;
2. прямое номинирование автора и адресата (например, «издатели сего журнала», «собрание наше», «один из наших возлюбленных сочленов», «господа издатели «Утреннего света!», «сего старого моралиста», «государи мои»;
3. обращение к читателям (например, «Благосклонный читатель!», «Друзья!», «друзья мои»;
4. оценочные прилагательные, атрибутирующие адресата (например, «читающим, нечитающих, самый непорядочный человек, почтенные читатели», «зрячих читателей сделать слепыми», «знающие, всезнающие, столь разумные (читатели) [4].

В дискурсе «исторического» журнала явно прослеживается взаимодействие основных участников коммуникации в рамках концептуальных полей «Человек» и «Добродетель». Согласно результатам лингвистического и статистического анализа представляется возможным определить концепт «Человек» в качестве интернационального (универсального), а концепт «Добродетель» — национального. Оба концепта являются неотъемлемой частью концептосферы русского православного сознания: «... человека за истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей почитаем! Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть

не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастье его» [4, с. 178]. Данные концепты, представляющие собой динамическое функциональное образование, анализируются нами как концепты разных уровней. Если концепт «Человек» принадлежит миру «Реальное» и имеет определенные культурно-обусловленные представления: «Сии наши единоземцы суть разумные существа, из тела, души и духа состоящие» [4, с. 178], то второй концепт «Добродетель» изначально принадлежит миру «Идеальное»: «... если бы возможно было людей привести к тому, чтоб они сперва вообще себя, как средоточие всех вещей, почитали за образ благонравия и добродетели; тогда б мы каждого особливо находили склонным признавать себя за важную и достойную часть сего средоточия» [4, с. 179].

Обратимся к структуре текстового концепта «Человек». Она основана на трехчленной схеме, предложенной Н. И. Новиковым: «тело — душа — дух». Данная схема показывает, что укоренение в русском языковом сознании соответствующего концепта шло путем расширения его семантических сфер при полном сохранении состава семантических компонентов. Считая, что человек занимает в мире особое положение — «он есть нечто возвышенное и достойное», признавая его повелителем природы, высоко ценя человека, Н. И. Новиков выдвинул идею величия человека. По мнению Н. И. Новикова, «... человек, имея высокое понятие о свойствах человеческих, должен «возвыситься благородною гордостью» и почитать себя «частью творения» иначе он не сможет думать и действовать благородно. Конечно, есть люди, которые «ослепляются гордыней», и такой «высокомерный горделивец» своего высокого человеческого достоинства не осознает. Как философ он указывает также, что богатство и знатность не имеют ничего общего с человеческим достоинством и не является его условием; а «... человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения». Далее он заключал: «Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сем отношении превознесены» [4]. Несмотря на наличие в структуре данного концепта философских составляющих, обусловленных конкретным временным периодом созданного текста, он отражает всеобщее языковое сознание. Устойчивые сущностные элементы понятия «человек» «тело — душа — дух» сохраняются, несмотря на влияние экстралингвистических факторов.

Обратим внимание на форму вербальной экспликации и трансляции концепта. Концепт «хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата» [1, с. 53]. В процессе анализа нами отобраны слова-репрезентанты,

которые формируют смыслообразующую концептуальную основу текстов и служат опорными единицами при интерпретации. Ядро концепта «Человек» определяется словом «существо». Его интерпретационное поле репрезентируется номинациями «средоточие всех вещей», «нечто возвышенное и достойное», «цель всего мира», «средство прочих вещей мира». Очевидно, что большинство единиц имеет оценочный характер: «нечто возвышенное и достойное», «истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей», «владыка», «разумное существо». Все это позволяет автору эксплицитно характеризовать человека как концептуальное понятие. На уровне текста поддерживается круг устойчивых ассоциаций, закрепленных в сознании читателей. Это обеспечивает контакт автора текста с адресатом: «Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненным искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредственно рачительного» [4].

При рассмотрении прямых репрезентанта концепта с учетом формообразовательных вариантов и словообразовательных дериватов (человеки, сочеловеки) обращает на себя внимание частотное употребление данных лексем в публицистическом дискурсе 2-й половины XVIII века, что свидетельствует об особой смысловой нагрузке на данное слово, о его концептуализации и ключевой позиции в языковой картине мира.

Особое место в исследуемом дискурсе занимает анализ концепта «Добродетель». Он определяет проявление идеологической модальности, формирует культурологическое содержание и обладает национальной окраской. Все статьи в анализируемом журнале, содержательно соотносятся с указанным концептом. Анализ первоисточника позволяет констатировать наличие широкого спектра вербальных способов выражения мнения и оценок автора в рамках данного концептуального поля. В текстовом материале отмечается активное употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, вовлекаемые в антитезные отношения, например, «добродетель возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусной и человеческой природе противуречащее вещество, представить свету во всей его наготы»; «Я думаю, что лучшим предметом настоящих трудов наших избрать не можем, как сердца и души возлюбленных наших единоплеменников... Мы оставим перукмахерам, портным и изобретательницам новых мод украшать их наружность; оставим искусным врачам иметь попечение о пользовании их телесных болезней; но души и дух будут единственным предметом нашим...» [4]. Прием антитезы позволяет выразить точку зрения автора на добродетель как на естественное состояние человека, а на порок, напротив,

как на противуречащее вещество. В образе человека наряду с телом и наружностью, выделяется сфера, на которую претендует автор — дух, душа. Такой предмет авторского описания определяет активное использование морально-нравственных оценок, объектом которых является человек, например: корыстолюбие (отрицательная оценка представлена при помощи словообразовательного значения «человек, любящий корысть»); благородная гордость (положительная оценка лексемы, номинирующей эмотивное состояние, усилена словообразовательным элементом «благо-»). Автор эксплицитно выражает эмотивные оценки: отвращение (отрицательная оценка ингерентно выражается семантикой основы).

Оценочный компонент в рамках концептов «Человек» и «Добродетель» реализуется с помощью многочисленных стилистических фигур. рассмотрим наиболее типичные для авторского дискурса.

Сравнение. В качестве образа сравнения человека используются различные животные, актуализирующие устойчивые оценочные ассоциации: «... были бы они (люди) подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед, а сами оного не делают... Бедное достоинство, которое людей равняло б со свиньями, проядающими все время жизни своя и в сластолюбии валяющимися во грязи». Добродетель как абстрактное понятие сравнивается с ароматом: «в несчастии больше сияет добродетель..., она уподобляется пахучим духам, которые выдавливаются для того, чтобы изведать их благовоние». К сравнению примыкают метафорические сопоставления («Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати») и метафорические уподобления («человек есть нечто возвышенное и достойное»; «в природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание» [4].

Риторические вопросы. Для анализируемого дискурса характерны риторические вопросы, содержащие ответы: «Не хотите ли вы, зрячих читателей сделать слепыми»; «какое бы преимущество имел честный человек над сердцем злого, если бы он не проникнул всех умыслов злости?»; «откуда, наконец, убийства, если не от недостатка во нравоучении?» [4]. Вопросы не только организуют живую ткань повествования, но и формируют образ мудрого автора.

Антитеза. Как правило, антитеза в тексте формируется на антонимии. в ряде случаев выстраиваются антонимические перечисления: «чистейшие небесные чувствования должны будут уступать скотским похотениям, правда неправде, добродетель беззаконию»; «мы

станем пороки и сих нечеловеков наказывать... давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки. Порок и человек, сии два предмета, должны в наших листах быть подобны двум параллельным линиям» [4]. Используется автором для акцентирования своей позиции и формирование концептуальных оппозиций: «человек — нечеловек», «порок — добродетель».

Превосходная степень прилагательных. Суперлативы позволяют интенсифицировать авторскую оценку: презрительнейшими и гнуснейшими; важнейшее, полезнейшее, нужнейшее, древнейшие, чистейшего (нравоучения); величайшим, надежнейшее, жесточайший, высочайшего, опаснейших [4].

Кроме стилистических приемов, в текстах используются словообразовательные средства, формирующие деривационное аксиологическое пространство. Так, необходимо отметить, что сложение с основой «добро-» («добронравие, добросердие, доброчестие, добродетель, добромыслие» и т.п.), являются продуктивной словообразовательной моделью для языка 2-й половины XVIII века. Производные слова имеют пейоративную оценочность и представляют характеристику человека.

Создавая образ человека как образ адресата, автор использует риторические приемы, например, жанры наставления, нравоучения: «всякому честному человеку, о том стараться должно, чтоб истину и не проницательными очами видеть можно было». Также популярен в дискурсе журнала прием включения в повествование прямой речи, в том числе самоцитации: «Таковой-то сочлен наш, выступив, вопрошает: «Друзья! Уверены ли вы, что наши сограждане охотно будут читать лучшие, по вашему мнению, вновь избранные сочинения?»; «Сие ты, — говорили мы, — сделать должен для того, что немилосердно принудил нас воспрянуть ото сна, весьма для нас приятного» [4]. Интеграция устной речи в публицистический большой по объему текст снимает пропозициональную монотонность дискурса. Прямая речь и самоцитация создает стилистический эффект присутствия, диалогичности, достоверности.

В дискурсивном взаимодействии наблюдается применение риторического приема «апелляция к авторитету», способствующего передачи определенного взгляда автора на какую-либо проблему: «Плутарх, во своем сочинении о случае написав, что без угрызания совести о добрых своих делах говорить возможно, может быть, о таком намерении не помышлял», «по примеру Фукидида не завещали мы им навеки своего сокровища»; «Махиавел утверждал, что несчастный Цезарь был больше ненавидим, нежели Катилина, но Цезарь, не употребляя во зло честолюбие, был самый великий человек из всех людей, и Катилина имел тысячу еще пороков, гораздо беззаконнейших» [4]. Выбранные цитаты давали возможность автору манипулировать общественным сознанием читателя. Автор интерпретировал цитатный материал, исходя из своих культурологических взглядов и коммуникативных интенций: «Нравоучение св. Моисея ..., ведя человека к почитанию единого и истинного бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило»; «Сократ во нравоучении превосходил всех язычников; он удостоверившись о достоинстве сея божественная науки, углубился совершенно в одну оную, презрев все баснословия. Ему следовали Платон, Эпикур, Зенон и многие другие» [4, с. 200].

В целом, результаты исследования свидетельствуют о том, что языковая личность создателя публицистического дискурса журнала «Утренний свет», издаваемого русским просветителем Н.И. Новиковым, персонализирована в ряде речевых образов, которые распределены в коммуникативной рамке по двум полюсам: «автор» и «идеальный/ фикциональный адресат». Концептом, объединяющим коммуникативных персонажей в аксиологическом поле, является универсальный концепт «Человек», представленный в авторской философской модели Н.И. Новикова. Ключевой национально маркированный концепт «Добродетель» аксиологически соотносится с концептом «Человек», репрезентируя авторскую картину мира. Лексические, стилистические и риторические средства в публицистическом дискурсе 2-й половины XVIII века, формирующие стиль журнала и образ языковой личности его создателя, отличаются эксплицитной оценочностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж. 2001. С. 52–57
2. Воробьев В. В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование. 1998. № 5. С. 25–30
3. Дедюкова М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2010. 26 с.
4. Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. — М., 1961. 336 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002. 477 с.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 2006. — М., 2010. 264 с.
7. Кибрик А.А., Плулган В. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. 1997. С. 307–323.
8. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
9. Марьянчик В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы: монография. — Архангельск, 2011. 282 с.
10. Попова З.Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж, 1999. 30 с.
11. Сидорова Т.А. Индивидуальная лингвориторическая картина мира как маркер аксиологии автора // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Вып. 18. — Сочи, 2013. С. 169.

© Корниенко Елена Ревовна (er-kor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный государственный медицинский университет